

Ф И Л О С О Ф С К И Й П О Е Д И Н О К

МИШЕЛЬ
МОНТЕНЬ

СКЕПТИЦИЗМ

ОРУЖИЕ
РАЗУМА

ФРАНСУА
ЛАРОШФУКО

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

2021

УДК 616.89
ББК 88
М 77

Монтень М., Ларошфуко Фр.

М 77 Скептицизм. Оружие разума. – М.: Родина, 2021. – 256 с. –
(Философский поединок).

ISBN 978-5-00180-275-4

Мишель Монтень (1533–1592) – французский философ. Его философскую позицию можно обозначить как скептицизм, который является, с одной стороны, результатом горького житейского опыта и разочарования в людях, и, с другой стороны, основан на убеждении в недостоверности человеческого познания. Свои мысли Монтень излагает в яркой художественной манере, его стиль отличается остроумием и живостью.

Франсуа Ларошфуко (1613–1680) – французский писатель, автор сочинений философско-моралистического характера. Главный объект его исследований – природа людей и человеческих отношений, которые оцениваются Ларошфуко также весьма скептически. В основе всех человеческих поступков он усматривает самолюбие, тщеславие и преследование личных интересов. Общий тон его сочинений – крайне ядовитый, порой доходящий до цинизма.

В книге представлены работы Монтеня и Ларошфуко, дающие представление о творчестве этих философов.

**УДК 616.89
ББК 88**

© Перевод с французского: А. Бобович и др.,
правообладатели

ISBN 978-5-00180-275-4 © ООО «Издательство Родина», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Мишель Монтень

СКЕПТИЦИЗМ — ОРУЖИЕ РАЗУМА

Предисловие	7
Приговор самому себе	10
Непостоянство поступков	22
Скептицизм	27
Суетность слов	36
Наука и ученые мужи	38
О книгах	43
Сила воображения	47
Об умеренности	51
О пьянстве	56
О дружбе	60
О богатстве и бедности	67
О трусости	73
О жестокости	77
О раскаянии	80
О самообладании	97
Об уединении	108
О страданиях	113
О самоубийстве	121
Учиться умирать	123

Франсуа Ларошфуко

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА. СКЕПТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

О манере держать себя и поведении	141
Об умении вести беседу	143
Об откровенности	146
О приятельских отношениях	148

О любви	151
О непостоянстве	153
О различных типах ума	155
О вкусах	158
О сходстве людей с животными	160
Удаление от света	162
Максимы и моральные размышления	164

Мишель Монтень

СКЕПТИЦИЗМ — ОРУЖИЕ РАЗУМА

(из книги «Опыты»)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уединившись с недавнего времени у себя дома, я проникся намерением не заниматься, насколько возможно, никакими делами и провести в уединении и покое то недолгое время, которое мне остается еще прожить. Мне показалось, что для моего ума нет и не может быть большего благодеяния, чем предоставить ему возможность в полной праздности вести беседу с самим собою.

Присматриваясь к приемам одного живописца, я загорелся желанием последовать его примеру. Он выбирает самое лучшее место посередине каждой стены и помещает на нем картину, написанную со всем присущим ему мастерством, а пустое пространство вокруг нее заполняет гротесками, то есть фантастическими рисунками, вся прелесть которых состоит в их разнообразии и причудливости. По правде говоря, что же иное и моя книга, как не те же гротески, как не такие же диковинные тела, слепленные как попало из различных частей, без определенных очертаний, последовательности и соразмерности, кроме чисто случайных?

Другие творят человека; я же только рассказываю о нем и изображаю личность, отнюдь не являющуюся перлом творчества, и будь у меня возможность вылепить ее заново, я бы создал ее, говоря по правде, совсем иною. Но дело сделано, и теперь поздно думать об этом. Штрихи моего наброска несколько не искажают истины, хотя они все время меняются, и эти изменения необычайно разнообразны. Весь мир — это

вечные качели. Все, что он в себе заключает, непрерывно качается: земля, скалистые горы Кавказа, египетские пирамиды, — и качается все это вместе со всем остальным, а также и само по себе. Даже устойчивость — и она не что иное, как ослабленное и замедленное качание.

Эти мои писания — не более чем протокол, регистрирующий всевозможные проносящиеся вереницей явления и неопределенные, а иногда и противоречащие друг другу фантазии, то ли потому, что я сам становлюсь другим, то ли потому, что постигаю предметы при других обстоятельствах и с других точек зрения. Вот и получается, что иногда я противоречу себе самому, но истине, как говорил Демад, я не противоречу никогда. Я скорее предпочту, чтобы все мои дела пошли прахом, чем поступаю убеждениями ради своего успеха, ибо эту новомодную добродетель притворства и лицемерия я ненавижу самой лютой ненавистью, а из всех возможных пороков не знаю другого, который с такой же очевидностью уличал бы в подлости и низости человеческие сердца. Это повадки раба и труса — скрываться и прятаться под личиной, не осмеливаясь показаться перед нами таким, каков ты в действительности.

Этим путем наши современники приучают себя к вероломству. Когда их вынуждают к лживым посулам и обещаниям, они не испытывают ни малейших укоров совести, пренебрегая их исполнением. Благородное сердце не должно таить свои побуждения. Оно хочет, чтобы его видели до самых глубин; в нем все хорошо или, по меньшей мере, все человечно.

Аристотель считает, что душевное величие заключается в том, чтобы одинаково открыто выказывать и ненависть, и любовь, чтобы судить и говорить о чем бы то ни было с полной искренностью и, ценя истину превыше всего, не обращать внимания на одобрение и порицание, исходящие от других. Аполлоний сказал, что ложь — это удел раба, свободным же людям подобает говорить чистую правду.

Я не знаю, какой выгоды ждут для себя те, кто без конца лжет и притворяется; на мой взгляд, единственное, что их ожидает, так это то, что, если даже им случится сказать правду, им все равно никто не поверит. Ведь с помощью лжи можно обмануть людей разок-другой, но превращать в ремесло свое притворство и похвалиться им, как это делают иные из наших властителей, утверждавшие, что «швырнули б свою рубаху в огонь, если б она была осведомлена об их истинных помыслах и намерениях» (что было сказано одним древним, а именно Метеллом Македонским), или утверждать во всеуслышание, что «кто не умеет как следует притворяться, тот не умеет и царствовать», — это значит заранее предупреждать тех, кому предстоит иметь с ними дело, что всякое слово, слетевшее с уст подобных властителей, не что иное, как ложь и обман.

Человек, который, подобно Тиберию, взял себе за правило думать одно, а говорить другое, может одурачить своей болтовней и притворной миной разве что настоящего болвана; и я не знаю, на что, собственно, могут рассчитывать такие люди в отношениях с другими людьми, раз все, что бы ни исходило от них, не принимается за чистую монету. Кто бесчестен в отношении правды, тот таков же и в отношении лжи.

Я со своей стороны предпочитаю быть скорее докучным и нескромным, чем льстецом и притворщиком. Готов признать, что, когда держишься с такою искренностью и прямо-той, не взирая на лица, как это свойственно мне, то тут, быть может, примешивается также немножко гордости и упрямства, и мне кажется, что я веду себя с большей непринужденностью именно там, где это меньше всего подобает, и что путы, налагаемые на меня необходимостью быть почтительным, горячат мою кровь. Впрочем, возможно и то, что я по своей простоте следую в этих случаях за своею природой.

Позволяя себе в общении с властью имущими такую же вольность в речах и жестах, как если бы я имел дело с моими домашними, я очень хорошо понимаю, до чего это похо-

же на нескромность и неучтивость. Но, кроме того, что я создан таким, я не обладаю достаточно гибким умом, чтобы вилять при поставленном мне прямо вопросе и уклоняться от него с помощью какого-нибудь ловкого хода или искажать истину, как не обладаю также и достаточной памятью, чтобы удерживать в голове искаженную мною истину, или уверенностью, чтобы упорно стоять на своем: короче говоря, я храбр от слабости.

Вот почему я решаюсь уж лучше быть непосредственным и почитаю необходимым неизменно говорить то, что думаю, и поступаю таким образом как в силу моего душевного склада, так и на основании здравого размышления, предоставляя судьбе делать со мной все, что ей будет угодно. Аристипп говорил, что главная польза, извлеченная им из философии, это то, что благодаря ей он научился говорить свободно и откровенно со всяким.

ПРИГОВОР САМОМУ СЕБЕ

Кто же не видит, что я избрал себе путь, двигаясь по которому безостановочно и без усталости, я буду идти и идти, пока на свете хватит чернил и бумаги? Я не могу вести летопись моей жизни, опираясь на свершенные мною дела: судьба назначила мне деятельность слишком ничтожную; я занимаюсь ею, опираясь на вымыслы моего воображения. Знал я одного дворянина, который оповещал о своей жизни не иначе, как отправлениями своего желудка; у него вы видели выставленные напоказ горшки за последние семь-восемь дней; в этом состояли его занятия, только об этом он говорил; любая другая тема казалась ему зловонной. И здесь (лишь чуточку попристойнее) — такие же испражнения стареющего ума, страдающего то запорами, то поносом и всегда несварением.

Где же смогу я остановиться, воспроизводя непрерывную сумятицу и смену моих мыслей, чего бы они ни касались,